

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Ирина Анатольевна Ермацанс

кандидат философских наук,
научный сотрудник
Института геологии и природопользования
Дальневосточного отделения Российской академии наук,
Благовещенск, Россия;
e-mail: irina@ignm.ru

Иван Юрьевич Болотский

младший научный сотрудник
Института геологии и природопользования
Дальневосточного отделения Российской академии наук,
Благовещенск, Россия;
e-mail: dinomus@ascnet.ru

Объект природы как «источник» социальной истории науки

УДК: 001.12+316.4.051+502.3+908(571)

DOI: 10.24412/2079-0910-2021-3-60-77

В статье на основе изучения динозавров Азии в 1859–1920-х гг. рассматривается роль объекта природы в качестве «документа» и «источника» социальной истории науки. Задача исследования — установить мотивацию интереса человека к объекту науки, например к окаменевшим костным остаткам вымерших организмов. Используются данные биографий ученых и краеведов, которые внесли вклад в открытие палеонтологических объектов в Приамурье (А.Я. Гуров, М.М. Манакин, Г.Ф. Белоусов, Н.Н. Гродеков, А.В. Кириллов, А.Н. Рябинин и др.). Изучены материалы периодической печати начала XX в., отразившие отношение местного населения к объектам палеонтологии, а также архивные материалы — их научное исследование. Выявлена взаимосвязь между способностями человека познавать окружающий мир и отношением к объектам науки. Установлено, что деятельный интерес к окружающей природной среде был мотивирован теми знаниями о предметах культуры и природы, которые получили некоторые представители амурского общества в конце XIX — начале XX в. Способ-

ствовали этому научные общества России, а также местные научно-краеведческие общества Амурской области. Одновременно с изучением «палеонтологических документов» происходило формирование профессионального сообщества, научный интерес которого был направлен на эти «документы» природы.

Ключевые слова: социокультурный контекст, социальная история палеонтологии, «документы» палеонтологии, объект природы, научно-краеведческие общества.

Введение. «Документы» истории Земли — документы социальной истории науки

Что дает истории общества, истории культуры изучение таких природных объектов, как палеонтологические? Можно ли назвать памятники природы «документами» природы? Выдающийся австрийский палеонтолог Отенио Абель (1875–1946) в своей книге «Основы палеонтологии» сравнил палеонтологическое исследование с историческим. Так же как в историческом, важное место в палеонтологическом исследовании, по его мнению, занимает документ. При этом он отметил, что такие документы сильно отличаются от тех, на которые опирается история человечества. Каждое живое существо, по Абелю, являясь носителем признаков, унаследованных от предков, представляет собой «очень ценное собрание исторических данных» [Абель, 1926, с. 9]. Однако только палеонтология, в отличие от наук, изучающих живые организмы, ставит «себе задачей выявить историю животных и растений» [Там же]. Установленная аналогия между историей человечества и «историей животных и растений» привела его к заимствованию терминологии исторического исследования и применению ее в поле палеонтологии: исторический документ = «палеонтологический документ» = «ископаемые животные и растения», исторические архивы = «палеонтологические архивы» = «породы (горные. — *Прим. авт.*), в которых заключены эти документы» [Там же, с. 54].

Ископаемые костные остатки и другие «следы» жизнедеятельности живых организмов являются вещественными источниками информации природного происхождения, «документами», прежде всего для геологов и палеонтологов. Донаучное (ненаучное) прочтение «текстов» этих «документов» послужило поводом к их осмыслению в доступном пониманию мифологическом контексте [Ермацанс, 2017]. Л.М. Яковлев¹ в этнографическом очерке «Дракон» отметил, как в Китае эти представления находили «порою неожиданные подтверждения в виде находок громадных по размерам костей ископаемых животных или некоторых современных животных, имеющих странный, а иногда и страшный вид» [Яковлев, 1946, с. 17]. Он записал поверье, согласно которому находки ископаемых костей в окрестностях

¹ Лев Михайлович Яковлев (1916–1945), востоковед-этнограф, преподавал в местном отделении Научно-исследовательского института г. Харбина, работал на Зоологической экспериментальной станции, библиотекарем Харбинского музея (ныне Музей провинции Хэйлунцзян); член Национальной организации исследователей-пржевальцев (НОИП), Биологической комиссии, действительный член Клуба естествознания и географии при местном отделении Христианского союза молодых людей (ХСМЛ) [Алин, 1946, с. 1–5].

Харбина² объясняются тем, что «дракон время от времени меняет эти кости, причем влезает в гору, где и оставляет старые» [Там же, с. 23]. По его сведениям, ископаемые кости были названы «лун-гу» (кости дракона)³, наделены способностью исцеления от болезней и продавались во всех аптеках.

Первые попытки научного «прочтения» не дали однозначного ответа. Потребовалось время, за которое утвердилась точка зрения, признававшая их именно за остатки древних вымерших организмов, а не за результат природных метаморфоз. С развитием палеонтологии⁴ и началом палеонтологических исследований в XIX в. связано исследование естественного и историко-культурного текстов «документов» природы. В первой половине XIX в. изучение объектов природы преимущественно сводилось к открытию все новых и новых форм. Сами же ископаемые остатки не признавались за свидетельство истории жизни. В 1859 г. Чарльз Дарвин впервые показал «все значение палеонтологических остатков как документов истории жизни» [Борисяк, 1948, с. 394]. В.О. Ковалевский положил начало эволюционной палеонтологии. В своих работах он не только детально излагал строение каждой кости, всего скелета, но и стремился связать особенности формы отдельной кости с положением в организме животного при жизни, объяснить экологическое значение его строения, проследить изменения формы в процессе приспособления к окружающей среде. Он считал, что «...коррелятивность всех частей скелета (млекопитающих. — Прим. авт.) между собою становится так велика, организация так специализирована, одна известная часть так неизменно предсказывает другую, что уже сравнительно немногие остатки достаточны для того, чтобы составить себе совершенно полное понятие о вымершем типе, и часто довольно двух-трех маленьких костей *carpi* или *tarsi*, чтобы иметь вполне верное представление о форме, которой они могли принадлежать» [Ковалевский, 1948, с. 161–162]. Палеонтологические памятники в этом смысле представлены как потенциальные носители естественнонаучной информации о живых организмах, обитавших на Земле и не существующих в настоящее время.

Таким образом, приобретая качества памятника, вследствие внимания человека, они подвергаются процессу документирования⁵, в котором выделяются две ступени — донаучная и научная. Объективация «палеонтологических документов», то есть обнаружение остатков вымерших организмов, часто происходит случайно, и они не попадают в поле зрения специалиста. Для неспециалиста они не являются «документами» и не могут быть «прочтены» и оценены. Эта ступень может или со-

² В настоящее время в г. Харбине действует Музей провинции Хэйлунцзян, в одном из залов которого представлена реконструкция динозавра.

³ В провинции Хэйлунцзянь (КНР) на территории национального парка Цзяинь известно местонахождение меловых динозавров Луньгушань, открытое в 1859 г. Ф.Б. Шмидтом (см. ниже).

⁴ Названия, предложенные для этой науки Э. Эйхвальдом (1821) и Ф. фон Вальдгеймом (1827), — ориктозоология и петромаггнозия — не прижились. В научный обиход термин «палеонтология» ввел Д. де Бленвиль (1825).

⁵ Документирование, прежде всего, отражает деятельность человека, направленную на объект исследования. Под документированием мы будем понимать процесс фиксации человеком информации об объекте природы и взаимодействии с ним в устной (фольклор, мифотворчество) или письменной форме (в виде рукописных, печатных, изобразительных материалов (рисунки, карты, фото и т. д.) и включения его в социокультурный контекст.

всем не сопровождаться появлением документов, или же может быть представлена в виде сообщений в периодических изданиях, переписке (личной и официальной).

Неслучайное обнаружение подразумевает исследование в рамках экспедиции (даже если экспедиция имеет целью иной объект) специалистом, владеющим знаниями и методами, которые позволяют ему делать выводы в соответствии с действующей научной парадигмой — или в противоречии с ней, способствуя рождению новой парадигмы. В результате «прочтение» текстов природы учеными возможно лишь в доступной мере, соответствующей развитию научного знания в конкретной области в рамках определенного исторического контекста.

А.Е. Ферсман⁶, анализируя экспедиционную деятельность Академии наук СССР (1926), выделил три основных этапа экспедиционных работ: 1) полевые, когда осуществляется сбор материалов, изучение и анализ объектов исследования; 2) обработка материалов, переданных в музеи, лаборатории, институты; 3) издание трудов, то есть публикация научных результатов [Ферсман, 1929, с. 21–24]. На каждом из этих этапов создается корпус документов, фиксирующих соответствующий вид работ, направленных на объект исследования, например, на костные остатки вымерших животных («палеонтологические документы»). В результате «палеонтологические документы» становятся источниками для создания как популярных текстов (в том числе в периодической печати), так и научных — письменных и изобразительных документов, фиксирующих место находки, первичное описание места и особенностей самого «палеонтологического документа», историю обнаружения, ход работ.

Дальнейшая обработка экспедиционного материала (предметов и текстов) служит источником для создания научных отчетов, научных и научно-популярных публикаций, монографических описаний, монографий, а при поступлении в музейные фонды — музейной документации в виде актов и книг поступлений, этикетаж, пояснительных текстов, каталогов, монографических описаний и мн. др. Стадия изучения текстов природы имеет пролонгированный характер, предполагающий возможность неоднократного пересмотра ранее сделанных выводов на основе новых данных о предмете исследования, иной действующей парадигмы, новых подходов и методов при изучении проблемы.

Императорское русское географическое общество и первые палеонтологические исследования в Приамурье

Начало изучению палеонтологических памятников Приамурья было положено Сибирской экспедицией Императорского русского географического общества (ИРГО, 1855–1862). Два отряда экспедиции (математический под руководством Л.Э. Шварца (1855–1858), физический под руководством Ф.Б. Шмидта (1859–1862)) осуществили астрономические, физико-географические (метеорологиче-

⁶ А.Е. Ферсман (1883–1945), выдающийся российский и советский ученый, один из основоположников геохимии, минералог, кристаллограф, географ, академик РАН (1919), вице-президент Академии наук СССР (1926–1929).

ские, фенологические и др.), геологические⁷, зоологические, ботанические, этнографические исследования [Захаренко, 2012; Ермацанс, Болотский, 2013]. Первые важные для палеонтологии находки были обнаружены Ф.Б. Шмидтом в 1859 г. на правом берегу р. Амур⁸. Это были трубчатые кости, которые он с осторожностью отнес к вымершим млекопитающим, однако позже их соотнесли с динозаврами [Ермацанс, Болотский, 2013]. В настоящее время не установлено, в фондах какого музея находятся эти костные остатки и сохранились ли они. Палеоботанические и палеозоологические коллекции, собранные Шмидтом и П.П. Гленом, поступили в фонды Императорского Ботанического сада (ИБС, ныне Ботанический сад Ботанического института им. В.Л. Комарова в Санкт-Петербурге), Палеонтолого-стратиграфического музея Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Центрального научно-исследовательского геологоразведочного музея им. Ф.Н. Чернышева (ЦНИГР Музей, Санкт-Петербург). Его исследования в Приамурье положили начало документированию палеонтологических объектов. В десяти книжках небольшого формата он вел записи на немецком языке, не расшифрованные до настоящего времени, в которых во время экспедиции фиксировал необходимую информацию⁹. Первые результаты экспедиции были опубликованы в виде кратких отчетов ИРГО за год, а также отчетов Шмидта как «начальника экспедиции геологических исследований по Амуру» [Отчет ИРГО, 1860; Шмидт, 1859; 1860]. По завершении экспедиции был напечатан подробный отчет о ходе и результатах экспедиции [Шмидт, Глен, 1868]. Изучение собранного материала длилось достаточно продолжительное время. Для описания коллекций ископаемых растений из Амурской и Приморской областей, Иркутской губернии Шмидт обратился к Освальду фон Гееру (Хееру), известному швейцарскому палеоботанику из Цюриха [Геер, 1878]. Выводы Шмидта по поводу морской фауны из Амурского края в 1912 г. пересмотрел Д.Н. Соколов [Соколов, 1912]. В процессе поступления привезенных из Приамурья материалов в фонды музеев, хранения и экспонирования создавалась музейная документация¹⁰.

Социокультурный фон Амурской области (1880–1920-е)

Со второй половины 1880-х гг. возросло внимание российского общества к Приамурью. «Приамурский край, имеющий важное государственное и политическое значение для России, в последнее время (с конца 1880-х гг. — *Прим. авт.*) начинает возбуждать особенный интерес русского общества и с каждым годом все больше и больше привлекает к себе его внимание. Даже и местные жители, благодаря усиливающейся ежегодно колонизации, быстрому росту населения, начинающемуся развитию и оживлению некоторых видов промышленности и пробуждению гражд-

⁷ В том числе были осуществлены палеонтологические исследования: собраны палеоботанические и палеозоологические коллекции.

⁸ Местонахождение меловых динозавров Лунгушань на территории национального парка Цзянь провинции Хейлунцзянь (КНР).

⁹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 42. Оп. 1. Д. 1. 458 л.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 128. Оп. 2. Д. 114. Л. 1.

данской жизни, как-то воспрянули духом и в гораздо большей степени, чем прежде, интересуются как прошлою судьбою приютившего их края, так и современным его положением», — писал известный в Приамурье общественный деятель Александр Васильевич Кириллов [*Кириллов*, 1894, с. 1].

В Сибири в 1870—1890-е гг. шел активный процесс создания новых или возобновления деятельности существовавших ранее музеев. На Дальнем Востоке, в том числе и в Амурской области, с первой половины 1880-х гг. начали появляться общества, ставившие своими целями изучение края. Так, в 1884 г. было создано Общество изучения Амурского края (ОИАК) во Владивостоке, в 1887 г. — в Хабаровске и Благовещенске. В 1896 г. — образован филиал Приамурского отдела Императорского Русского географического (ПОИРГО) общества в Благовещенске, в 1903 — Благовещенское отделение Общества востоковедения¹¹, в 1908 — Амурский отдел Общества изучения Сибири и улучшения ее быта, в 1909 — Амурское научно-географическое общество, в 1911 — Амурское сельскохозяйственное общество. Изучение края с целью предоставления сведений будущим переселенцам вели и такие учреждения, как Амурский областной статистический комитет (с 1895), Переселенческое управление Амурского района Министерства земледелия (с 1896).

Практикой, характерной для второй половины XIX — начала XX в., стало создание при обществах музеев. Однако в Благовещенске Амурской области появление музея обязано приезду цесаревича Николая Александровича в 1891 г. Именно к этому событию было приурочено основание городского музея (ныне Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского). Основатели — золотопромышленники — заложили основу коллекций. Тем не менее успешной его деятельность стала только тогда, когда он приобрел покровительство вначале Общества востоковедения, а затем Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Первые шаги Общества востоковедения в Благовещенске воплотились именно в форме Комитета музея Благовещенска (1897), председателем его правления был избран А.В. Кириллов (1901—1903). За два года до этого он же составил и устав музея, после утверждения которого музей получил статус городского. В составе правления вместе с ним состояли и другие известные деятели. Например, товарищем председателя был Г.И. Клитчоглу, редактор-издатель газеты «Амурский край» (1899—1910), секретарем — Н.З. Голубцов, издатель и составитель «Амурского (народного) календаря» на 1900—1902 гг.

С 1890 г. было положено начало печатанию справочных изданий по Амурской области, которые предоставляли сведения о Приамурье не только для жителей области, но и для потенциальных переселенцев. Так, в Благовещенске при канцелярии гражданского управления была напечатана «Справочная книжка Амурской области», составленная Иваном Александровичем Соколовым, правителем канцелярии военного губернатора Амурской области [*Справочная книжка*, 1890]. Этот труд для области стал первым в своем роде и долгое время оставался единственным: только в 1899 г. было возобновлено ежегодное издание подобных ему справочников, календарей, памятных книжек.

¹¹ Благовещенское отделение Общества востоковедения постепенно прекратило свою деятельность после отъезда из Амурской области в 1905 г. А.В. Кириллова, а в 1906 — военного губернатора Д.В. Путьты.

Фундаментальный, востребованный и до настоящего времени труд — «Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей» — в 1891 г. подготовил к печати Кириллов [*Географическо-статистический словарь*, 1894]. Из-за отсутствия средств труд увидел свет только в 1894 г. К этому времени Кириллов был уже известен своими очерками о жизни края. В 1879 — начале 1890-х гг. он печатался в сибирских газетах «Сибирь», «Восточное обозрение», «Иркутские епархиальные ведомости», позже — в местных, которые начали издаваться в Благовещенске, с 1894 г. — в газете «Камчатские епархиальные ведомости», с 1895 г. — в «Амурской газете». В основу словаря были положены собственные многолетние наблюдения, архивные исследования, изучение источников и литературы, изданной к этому времени и не всем доступной. Он состоял членом почти всех упомянутых выше обществ (за исключением Амурского отделения общества изучения Сибири и улучшения ее быта), был одним из тех, кому музей Благовещенска обязан своим существованием.

К 1917 г. работа научных объединений Амурской области приостановилась. Последним прекратило свою деятельность Общество изучения Сибири и улучшения ее быта. Причиной тому послужили сначала война, затем — «политические события, расколовшие прежде дружный актив на отдельные группы, враждовавшие между собой, часто из непонимания обстановки времени»¹².

Деятельность научно-краеведческих обществ возобновилась с начала 1920-х гг. Они появлялись и исчезали, сменяя друг друга, под давлением государства. В 1922 г., 1 июня, в Благовещенске образовалось Амурское научно-экономическое общество [*Гонсович*, 1923]. Спустя четыре года (1926, 5 сентября) оно прекратило свое существование, передав полномочия образованному незадолго до этого (1926, 23 июля) Амурскому отделу Русского географического общества (АМОРО) ¹³. Еще через три года (1929, 25 декабря) оно также было ликвидировано, а на его основе создано Амурское общество краеведения¹⁴. Но и оно просуществовало недолго, так как в начале 1930-х гг. краеведческие общества в стране ликвидировались, а вместо них создавались бюро краеведения¹⁵. Несмотря на кратковременность существования научно-краеведческих обществ, каждое из них стремилось к изучению края, сотрудничало с исследователями, направленными научными организациями из других регионов страны.

«Допотопные животные», власть природы, казаки и наука

На фоне возраставшего с последней четверти 1880-х гг. интереса к Приамурскому краю в 1902 г. было вторично открыто уже упоминавшееся нами местонахождение Луньгушань (Цзяинь, Китай), первые находки на котором сделал Шмидт (1859). Открытию содействовали природные «события» — наводнения. После 1859 г. катастрофические наводнения, не считая ежегодных летне-осенних паводков в бассейне Амура, зафиксированные в 1861, 1872, 1876, 1879, 1881 и 1897 гг.

¹² Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. 958. Оп. 1. Д. 128. Л. 23.

¹³ ГААО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

¹⁴ ГААО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 4. Л. 30а (12).

¹⁵ Постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по развитию краеведного дела» от 30 марта 1930 г.

[*Мы и амурские наводнения*, 2016, с. 29–36], способствовали вымыванию костей на поверхность. Примерно с 1887 г. казаки Амурского казачьего войска находили окаменевшие костные остатки на правом пустынном берегу р. Амур. Не имея возможности понять научную ценность этих предметов, они тем не менее, благодаря природной смекалке, а также особенностям сохранности костного материала (его достаточной прочности), нашли применение им в хозяйстве в качестве якорей для лодок и грузил для сетей.

И все-таки один казак увлекся поиском и сбором «древностей» по берегам Амура. Он год обучался в учительской семинарии Иркутска (1888–1889), часто бывал в Иркутском краеведческом музее, прослушал лекции Д.А. Клеменца¹⁶ «о каменном веке в окрестностях г. Минусинска» с демонстрацией коллекции археологических предметов¹⁷. Этот казак — Алексей Яковлевич Гуков из станицы Поярковской Амурской области, известный как «любитель-археолог». Еще в первой половине июня 1902 г. он обнаружил в окрестностях станицы Иннокентьевской и хутора Сторожевого археологические предметы, а около хутора Касаткино — палеонтологические — «кости не то мамонта, не то какого-то иного допотопного животного»¹⁸. В появившейся 12 июня 1902 г. заметке «К сведению нашего музея» в газете «Амурский край» автор обращал внимание на необходимость принятия мер «к охране наиболее интересных в научном отношении мест» и сохранению самих предметов для науки¹⁹.

Заметка привлекла внимание Николая Ивановича Гродекова, приамурского генерал-губернатора (1898–1902), который оставил на ней свою резолюцию «Надо бы воспользоваться»²⁰. Кстати, он был и председателем Приамурского отдела Русского географического общества (ПОИРГО), притом деятельным. Его пожелание Совет ПОИРГО рассмотрел на заседании 25 июня 1902 г., приняв решение о направлении в эти места для осмотра и оценки того, в какой степени заслуживают «внимания и изучения обнаруженные в вышеперечисленных пунктах Амурской области остатки старины, каким путем могут быть произведены раскопки их, какие меры должны быть применены для учреждения охраны над означенными местами»²¹ Г.Ф. Белоусова²². Экспедиция состоялась только в августе–сентябре 1902 г.

¹⁶ Дмитрий Александрович Клеменц (1848–1914), археолог, этнограф, географ. В 1881–1886 гг. находился в ссылке в Сибири. С 1882 г. работал в Минусинском краеведческом музее. С 1888 г. проживал в Иркутске. В 1902–1910 гг. — заведующий этнографическим отделом Русского музея императора Александра III в Санкт-Петербурге. Внес значительный вклад в развитие сибирского краеведения.

¹⁷ АОМ. Инв. № 26936. С. 1–2об.

¹⁸ К сведению нашего музея // Амурский край. 1902. 12 июня. № 64. С. 2.

¹⁹ Там же.

²⁰ Российский государственный архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 3. Д. 228. Л. 103–104об.

²¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 228. Л. 103об.–104.

²² Г.Ф. Белоусов (1872–?), уроженец г. Сумы, окончил Харьковский университет с золотой медалью (1892–1896), в 1898–1906 гг. служил в Приамурском генерал-губернаторстве; член Совета ПОИРГО (1902) [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2114. Л. 1, 102–103, 155].

Гуров же решил передать обломки костей неизвестного «допотопного» животного вместе с археологическими предметами в музей Благовещенска²³. Его увлечение поддержали и даже отчасти разделили атаман станицы Поярковой И.Т. Коренев²⁴, урядник К.П. Номоконов, а также Н.К. Жуковский, начальник дистанции по р. Амур от ст. Поярковой до ст. Екатерино-Никольской, служивший в Управлении водными путями Амурского водного бассейна. Коренев и Номоконов передали в городской музей предметы, собранные около станицы Поярковой, один — два зуба неизвестного вымершего животного, второй — клык²⁵. А по приказу Жуковского, во временном распоряжении которого находился пароход «Амур», в первой половине июля 1902 г., при возвращении из станицы Екатерино-Никольской в Поярково, на пути около ст. Иннокентьевской, часть команды выехала на шлюпке на берег, и в месте, указанном десятником, с помощью ломов и лопат добыли значительное количество, как они посчитали, «окаменелых мамонтовых костей» [*Мамонтовая кость*, 1902, с. 2111–2112]. Автор этой информации, появившейся в местной газете 17 июля 1902 г., отметил, что «казенные пароходы не только несут исправно службу по улучшению судоходных условий Амура, но и занимаются чисто научными исследованиями в других областях человеческих знаний» [*Там же*].

У Гурова, который занимался сбором подъемного материала на археологических памятниках, созрела идея составить описание и подробную карту Амура от селения Гильчин до станицы Екатерино-Никольской с нанесением уже исследованных им памятников. А так как неизвестные местности требовали предварительного осмотра, собственных средств на которые у него не было, он просил содействия станичного атамана, войскового старшины и местных властей. Его инициативу поддержал председатель войскового правления Амурского казачьего войска Н.К. Сотников²⁶. «Записка-доклад» Гурова 31 июля 1902 г. вместе с предметами, собранными казаками, была представлена на заседании правления Комитета Благовещенского городского музея. После осмотра коллекций члены правления комитета выразили «глубокую благодарность» казакам за пожертвование музею ценных коллекций «окаменелых костей древних животных», а также каменных орудий, «ранее нигде на Амуре, кроме его низовий, не находимых»²⁷. А археологу-любителю выделили 100 рублей на исследования.

Известен еще один человек, действия которого имели важные последствия для палеонтологии Приамурья. С 11 июня по 31 июля 1902 г. в Маньчжурию «для ре-

²³ Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского (АОМ). Инв. № 26936. Автобиография Гурова Алексея Яковлевича. С. 1–2об.

²⁴ И.Т. Коренев (1870–?), атаман станицы Поярковской (1900–1903). Его сын был крестником Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова. Семья Кореневых — основатели ст. Поярковской, считаются первооткрывателями Кивдо-Райчихинского бурогольного месторождения [*Гладких*, 2014, с. 22–25; 2017, с. 33–34].

²⁵ ГААО. Ф. 56-И. Оп. 1. Д. 6. Л. 15–16.

²⁶ Н.К. Сотников (1859–?), полковник, председатель правления АКВ (1902–1907). Окончил классическую гимназию (Красноярск), юнкерское училище по 1-му разряду (Иркутск), офицерскую кавалерийскую школу (С.-Петербург, 1890) [*Господа офицеры*, 2016, с. 340].

²⁷ ГААО. Ф. 56-И. Оп. 1. Д. 6. Л. 15об.

когносцировки правого берега Амура» был командирован М.М. Манакин²⁸, полковник Генерального штаба, штаб-офицер 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка²⁹. Его внимание привлекли необычные грузила для сетей у казаков, которые те находили на правом берегу Амура, и которые, по его мнению, представляли собой костные остатки, возможно, мамонта. По его просьбе они показали место, где находили кости; Манакин обнаружил там целый скелет [*Во время поездки по Амуру*, 1902, с. 6; *Заседание*, 1902, с. 13]. В результате, сами того не подозревая, казаки содействовали вторичному открытию местонахождения, ранее открытого Шмидтом.

Наконец, в августе 1902 г. состоялась экспедиция члена Приамурского отдела РГО Белоусова, инициированная и материально поддержанная генерал-губернатором. Ему в помощь был направлен Гуров, который с 1901 г. служил в Управлении водных путей Амурского бассейна и хорошо знал берега Амура. В Благовещенск Белоусов прибыл 28 августа, спустя день вместе с Гуровым они осматривали места находок, начав с горы Шапка в окрестностях Поярково. Через пять дней они добрались до станицы Касаткиной, остановились «на правом берегу Амура, верстах в 15 от станицы Касаткиной», где казаки и находили ископаемые костные остатки [*Заседание*, 1902, с. 13]. Но Белоусову, в отличие от Манакина, не удалось обнаружить скелет, так как поднимавшиеся воды Амура вновь вмешались в исследовательский процесс. В отчете о поездке Белоусов отметил, что местонахождение костей было знакомо казакам значительно раньше, «по словам пашковского старожила урядника Черных <...> лет 15 тому назад, и рыбаки неоднократно пользовались ими как якорями для своих лодок», а в 1893–1895 гг., по его же рассказам, «очень много костей вывезено было казаками благовещенскому мещанину Сафонову, неизвестно для какой цели» [*Там же*].

В эти дни в местной печати, продолжавшей информировать о событиях, связанных с продвижением исследований, оптимистично сообщалось: «...не можем не порадоваться тому, что наконец-то наши палестины заинтересовали кого следует. Благовещенский музей, получив от Гурова собранные им коллекции предметов, прислал сто рублей для дальнейшего производства разведок. Приамурский отдел командировал члена. Смеем надеяться, что отдел, имея в руках данные, привлечет внимание специальных обществ, например, Археологического и т. п.» [*Амурский край*, 1902, с. 2]. Но прошло пять лет, по истечении которых ничего не изменилось — изучение и сохранение археологических и палеонтологических памятников Приамурья не продвинулось. Все ограничилось исследованиями археолога-любителя Гурова, на что сетовал в своей заметке один из авторов: «Во всяком случае, как места, найденные Г. (Гуровым. — *Прим. авт.*), собранные им за последнее время коллекции, так и составленная им карта заслуживает серьезного внимания. Тратятся же у нас десятки тысяч на исследования Чукотского края, а здесь хотя бы на 10 р. исследовали» [*Археология Амура*, 1907, с. 2].

Однако внимание палеонтологов все-таки удалось привлечь, хотя и по истечении времени. Свою роль в этом сыграла именно заметка в местной газете о на-

²⁸ М.М. Манакин (1862–1932), окончил 2-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию (1880), 1-е Павловское училище (1882), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1893).

²⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 40210. Л. 13.

ходке Манакиным скелета «допотопного» животного, перепечатанная редактором журнала «Ежегодник по геологии и минералогии России» [Скелет, 1902, с. 212] Н.И. Криштафовичем [Стародубцева, 2005, с. 85–93]. Спустя двенадцать лет Гуров передал ископаемую кость А.Н. Криштофовичу, известному впоследствии палеоботанику, тот в свою очередь — А.Н. Рябинину, первому исследователю динозавров в России. Начиная с Рябинина все исследователи динозавров Северной Азии будут ссылаться на эту заметку, а вот отчет Белоусова так и останется незамеченным, хотя в нем впервые дано описание разреза местонахождения Цзяинь/Лунгушань.

Последующее документирование палеонтологических материалов было связано с первыми палеонтологическими раскопками на этом местонахождении в 1916–1917 гг., инициированными Рябининым, поддержанными Геолкомом и осуществленными Н.П. Степановым. Однако решающее слово хозяина положения вновь осталось за природой: «Из-за сильного подъема уровня р. Амура для раскопок была использована только часть лета; однако и при этих не вполне благоприятных условиях было добыто 65 пудов костей динозавров, препаровка которых дала возможность получить некоторые новые данные по вопросу о типе, роде и геологическом возрасте этих ящеров» [Отчет, 1919, с. 388]. «Палеонтологические документы» (65 пудов костей динозавров) поступили в музей при Геолкоме (ныне ЦНИГР Музей имени академика Ф.Н. Чернышева). Рябинин совместно со Степановым и скульптором Я.М. Эглоном выполнил первую в России реконструкцию скелета динозавра, которому было дано название «траходон» (*Trachodon amurense*); позже он был монографически описан как манчжурозавр (*Mandshurosaurus amurensis*).

Ход, результаты экспедиции и первые научные описания публиковались в таких специальных периодических изданиях, как «Записки российского минералогического общества» (1901–1902), «Известия Геологического комитета» (1916–1925), «Ежегодник русского палеонтологического общества» (1917).

Изучение и обработка костных остатков из Приамурья в 1917–1924 гг. привели геолога и палеонтолога Рябинина к необходимости поиска сравнительного материала в музеях других стран вследствие его отсутствия в музеях СССР. В результате трехмесячной командировки (4 октября 1924 — 8 января 1925 г.), посетив Германию, Бельгию, Англию, свои впечатления он отразил в дневнике³⁰ [Ермацанс, Болотский, 2015; 2016]. По мере обработки материалов появились монографические описания коллекций [Куражева, 2015, с. 29–32].

Заключение

Природный феномен, прежде всего, концентрирует в себе естественнонаучную информацию (история Земли, жизни на Земле, эволюции живых организмов и т. д.). Однако с момента вовлеченности его в сферу интересов человека он становится объектом исследования, наполняясь информацией, которая отражает связи с миром человека. Первые свидетельства тому — фольклор, мифы народов мира.

Социальная среда, воспринявшая объект природы в Амурской области, включала казаков, мещан, военных, служащих, среди которых были представители администрации Приамурского края, самоуправления города Благовещенска, жур-

³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 732. Оп. 1. Д. 82. Л. 1–128.

налисты, ученые. Их различала сословная, профессиональная и территориальная принадлежность, культурно-образовательный уровень, материальная обеспеченность, а объединяло стремление к познанию, для одних — принявшего их края, для других — неизвестного науке объекта. Отсутствие необходимых знаний у амурских казаков отразилось в восприятии палеонтологических объектов в качестве предметов, приспособленных исключительно к хозяйственным нуждам. Мотивировало интерес к окружающей природной среде, а также деятельность, направленную на ее изучение, знание о предметах культуры и природы, полученное некоторыми из них. Важную роль в подготовке изменения отношения к потенциальным объектам науки у отдельных представителей местного населения оказала деятельность научных обществ и отдельных личностей в Сибири (Д.А. Клеменц) и на Дальнем Востоке России (А.В. Кириллов и др.), способствовавших распространению знаний. В процессе нашего исследования установлена их роль в истории открытия и изучения палеонтологических объектов, выявлены биографические особенности, мотивировавшие того или иного участника на когнитивные действия, соотнесенные с социокультурным и историческим фоном, на котором они происходили.

Способность объектов природы оставлять следы в истории и культуре человеческого общества проявилась в создании исторических источников, зафиксировавших различные стороны процессов его открытия и изучения. В ходе исследовательских работ Шмидта, Гурова, Белоусова, Степанова, Рябинина появились научные (отчеты, монографические описания) и научно-популярные (заметки в периодической печати) тексты в форме письменных и изобразительных документов, связанных с их поисковой деятельностью. При поступлении в музей «палеонтологические документы» прошли стадию музейного документирования, был создан круг музейных текстов — протоколы, акты поступлений, записи в книгах поступлений и др. Сам объект природы (остатки некогда живых организмов) приобрел качества «исторического источника», первоисточника, послужил появлению интерпретаций его «прочтения», стал источником появления социокультурных текстов. Одновременно с процессом изучения, истолкования и интерпретации «палеонтологических документов» происходило формирование профессионального сообщества, стремившегося к объединению научных сил, интерес которых был направлен на поиск и исследование «документов» природы³¹.

Источники

Амурский областной краеведческий музей (АОМ). Книга поступлений № 1. Акт 20, от 30.07.1902. Л. 27.

АОМ. № 26936. Автобиография Гурова Алексея Яковлевича. С. 1–2об.

Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. 958. Оп. 1. Д. 128. 56 л.

ГААО. Ф. 56 и. Оп. 1. Д. 6. 32 л.

ГААО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 2. 17 л.

ГААО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 4. 86 л.

Российский государственный архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 3. Д. 228. Л. 103–104об.

³¹ В 1916 г. было образовано Русское палеонтологическое общество.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 40210. Л. 13.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 42. Оп. 1. Д. 1. 458 л.

СПбФ АРАН. Ф. 128. Оп. 2. Д. 114.

СПбФ АРАН. Ф. 732. Оп. 1. Д. 82. Л. 1–128.

Литература

Абель О. Основы палеонтологии. М.; Л.: Госиздат, 1926. 70 с.

Алин В.Н. Светлой памяти Л.М. Яковлева // Записки Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов. Харбин, 1946. № 1. 58 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibr.rgo.ru/handle/123456789/231918> (дата обращения 30.03.2021).

Археология Амура // Амурский торговый и горнопромышленный вестник. 1907. № 7. С. 2.

Борисяк А.А. Владимир Ковалевский и его наследие (к 100-летию со дня рождения) // Природа. 1942. № 7–8. С. 124–128.

Борисяк А.А. Владимир Онуфриевич Ковалевский (1842–1983) // Люди русской науки / Сост. и ред. И.В. Кузнецов. М.; Л.: Гостехиздат, 1948. С. 391–398.

Во время поездки по Амуру // Приамурские ведомости. 1902. № 448. С. 6.

Гладких Т.И. Прощание с Родиной // Словесница искусств. 2014. № 1 (33). С. 22–25.

Гладких Т.И. Амурские казаки Кореневы: документальное повествование. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2017. 159 с.

Гонсович Е.В. Амурское научно-экономическое общество (Обзор деятельности) // Известия Амурского научно-экономического общества. 1923. № 1. С. 1–5.

Господа офицеры... Командный и военно-административный состав регулярных и казачьих войск Амурской области. 1854–1922. Биографический справочник / Сост. В.Н. Абеленцев, А.А. Гаршин. Благовещенск-на-Амуре: Амурская ярмарка, 2016. 480 с.

Заседание Приамурского отдела Императорского русского географического общества, посвященное чествованию покровителя отдела, генерала от инфантерии Н.И. Гродекова // Приамурские ведомости. 1902. № 459. 13 октября. С. 13–15.

Ермацанс И.А., Болотский И.Ю. Палеонтологические исследования в Приамурье (1859–1917) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 5. С. 159–167.

Ермацанс И.А., Болотский И.Ю. Заграничный дневник (1924–1925) палеонтолога А.Н. Рябинина как источник естественнонаучной информации. К 100-летию изучения амурских динозавров // Вестник ДВО РАН. 2015. № 5. С. 162–170.

Ермацанс И.А. Осмысление природного объекта как текста: музейный аспект // Музей — Памятник — Наследие. 2017. № 2. С. 77–82.

Захаренко И.А. Сибирская экспедиция русского географического общества и участие в ней выпускников Константиновского межевого института // Известия высших учебных заведений: Геодезия и аэрофотосъемка. 2012. № 2. С. 62–67.

Кириллов А.В. Предисловие // Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / Сост. А.В. Кириллов. Благовещенск: Тип. Д.О. Мокин и Ко. 1894. С. I–IV.

Ковалевский В.О. Палеонтология лошадей / Ред. Д.О. Давиташвили. М.: Изд-во АН СССР. 1948. С. 149–252.

К сведению нашего музея // Амурский край. 1902. 12 июня. № 64. С. 2.

Куражева Т.В. Коллекции А.Н. Рябинина в ЦНИГР музее ВСЕГЕИ // Сто лет изучения динозавров Приамурья: научная сессия, посвященная выдающемуся палеонтологу и геологу

А.Н. Рябинину: сб. докладов, Благовещенск, 18 декабря 2015 г. / Сост. Н.Ю. Леусова. Благовещенск: АмурНЦ ДВО РАН, ИГиП ДВО РАН, 2016. С. 29–32.

Мамонтова кость // Амурская газета. 1902. № 79. 17 июля. С. 2111–2112.

Мы и амурские наводнения: невыученный урок? / Под ред. А.В. Шаликовского. М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF). 2016. 216 с.

Отчет Императорского русского географического общества // Вестник ИРГО. 1860. Т. 28. № 1. С. 13–15.

Отчет о состоянии и деятельности Геологического Комитета в 1917 году // Известия Геологического комитета: 1918. 1919. Т. 37. № 1. С. 385–386.

Рябинин А.Н. Реставрированный скелет исполинского ящера *Trachodon amurense nov. sp.* // Известия Геологического комитета. 1925. Т. 44. № 1. С. 1–12.

Скелет ископаемого животного на Амуре // Ежегодник по геологии и минералогии России. 1901–1902. 1902. Т. V. 463 с.

Стародубцева И.А. Н.И. Криштафович — геолог, издатель, педагог // Бюллетень Московского общества испытателей природы: Отд. геол. 2005. Т. 80. Вып. 4. С. 85–93.

Сьюорд А.Ч. Юрские растения из Амурского края // Труды Геологического комитета. СПб., 1912. Новая серия. Вып. 81. С. 1–21.

Ферсман А.Е. Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи. Сер.: Материалы Комиссии экспедиционных исследований. Вып. 19. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. 38 с.

Шмидт Ф.Б. Отчет начальника экспедиции геологических исследований по Амуре // Вестник РГО. 1859. Ч. 25. № 2. С. 67–78.

Шмидт Ф.Б. Отчет начальника экспедиции геологических исследований по Амуре // Вестник РГО. 1860. Ч. 28. С. 199–218.

Шмидт Ф.Б., Глен П.П. Исторические отчеты о физико-географических исследованиях // Труды Сибирской экспедиции ИРГО. СПб., 1868. Т. 1. С. 1–72.

Яковлев Л.М. «Дракон» (Этнографический очерк) // Записки Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов. Харбин, 1946. № 1. 58 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibr.rgo.ru/handle/123456789/231918> (дата обращения 30.03.2021).

Heer O. Beiträge zur fossilen Flora Sibiriens und des Amurlandes // Flora fossilis arctica. Zürich. 1878. Bd. 7. S. 1–275.

Sokolov D.N. Über Akad. Fr. Schmidt's Fossiliensammlungen aus dem Amurlande // Travaux du Musee Geologique Pierre le Grand pres l'Academie Imperiale des Sciences de St. Petersburg. St. Petersburg, 1912. Т. VI. S. 153–166.

Schmidt Fr. Reisen im Amur-Lande und auf der Insel Sachalin, im Auftrage der Kaiserlich-Russischen geographischen Gesellschaft ausgeführt. Botanischer Theil / von Fr. Schmidt. Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. St.-Petersbourg: Acad. Imp. des sciences, 1868. Ser. 7. T. 12, No. 2. 227 S.

The Object of Nature as a “Source” of the Social History of Science

IRINA A. ERMATSANS

Institute of Geology and Nature Management,
Far East Branch of the Russian Academy of Sciences,
Blagoveshchensk, Russia;
e-mail: irina@ignm.ru

IVAN YU. BOLOTSKY

Institute of Geology and Nature Management,
Far East Branch of the Russian Academy of Sciences,
Blagoveshchensk, Russia;
e-mail: dinomus@ascnet.ru

Based on the Asian dinosaur study during 1859–1920, the paper considers the role of nature object as a “document” and “source” of social history of science. Main research task was to find out the human interest motivation to the objects of science, fossilized remains of extinct animals, for example. We review the biographies of scientists and local history specialists, who took part in discovery of paleontological objects of Amur region. These are A.Ya. Gurov, M.M. Manakin, G.F. Belousov, N.N. Grodekov, A.B. Kirillov, A.N. Riabinin and many others. We also use materials from periodical press and archives from the beginning of 19th century which reflects the relations of local population and scientific study of paleontological finds. We identified a connection between abilities of a man to explore the world and relations to scientific objects. Active interest to natural environment was motivated by knowledge about nature and culture, which has been obtained by representatives of Amur society in the end of 19th — beginning of the 20th centuries. It was supported by Russian scientific communities and local study organizations in Amur region. At the same time, the forming of professional research community coincides with studying of the “paleontological documents”.

Keywords: sociocultural context, social history of paleontology, “documents” of paleontology, object of nature, scientific and local history societies.

References

- Amurskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey [Amur Regional Museum of Local History]. Kniga postupleniy (KP) № 1, akt 20, ot 30.07.1902, l. 27.
- Amurskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey [Amur Regional Museum of Local History]. Avtobiografiya Gurova Alekseye Yakovlevicha. L. 1–2ob.
- Gosudarstvennyy arkhiv Amurskoy oblasti [State Archives of the Amur Region], f. 958, op. 1, d. 128.
- Gosudarstvennyy arkhiv Amurskoy oblasti [State Archives of the Amur Region], f. 56 I, op. 1, d. 6.
- Gosudarstvennyy arkhiv Amurskoy oblasti [State Archives of the Amur Region], f. R-28, op. 1, d. 2.
- Gosudarstvennyy arkhiv Amurskoy oblasti [State Archives of the Amur Region], f. R-28, op. 1, d. 4.

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv Dal'nego Vostoka [Russian State Archives of the Far East], f. 702, op. 3, d. 228.

Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive], f. 409, op. I, d. 40210.

Sankt-Peterburgskiy Filial Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 42, op. 1, d. 1.

Sankt-Peterburgskiy Filial Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 128, op. 2, d. 114.

Sankt-Peterburgskiy Filial Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 732, op. 1, d. 82.

Abel, O. (1926). *Osnovy paleontologii* [Fundamentals of Paleontology]. Moskva; Leningrad: Gosizdat (in Russian).

Alin, V.N. (1946). Svetloy pamyati L.M. Yakovleva [To the blessed memory of L.M. Yakovlev]. *Zapiski Harbinskogo obshchestva yestestvoispytateley i etnografov*, no. 1, 1–5. Available at: <https://elibrigo.ru/handle/123456789/231918> (date accessed: 30.03.2021) (in Russian).

Arkeologiya Amura [Archeology of the Amur] (1907). *Amurskiy torgovyy i gornopromyshlennyy vestnik*, no. 7, p. 2 (in Russian).

Borisyak, A.A. (1942). Vladimir Kovalevskiy i yego naslediyе (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [Vladimir Kovalevsky and his heritage (on the occasion of his 100th anniversary)], *Priroda*, no. 7–8, 124–128 (in Russian).

Borisyak, A.A. (1948). Vladimir Onufriyevich Kovalevskiy (1842–1983) [Vladimir Onufriyevich Kovalevsky (1842–1983)]. In I.V. Kuznetsov (Ed.), *People of Russian science* (pp. 391–398). Moskva, Leningrad: Gostekhizdat (in Russian).

Gladkikh, T.I. (2014). Proshchaniye s Rodinoy [Farewell to the Motherland]. *Slovesnitsa iskusstv*, 1 (33), 22–25 (in Russian).

Gladkikh, T.I. (2017). Amurskiye kazaki Korenevy: dokumental'noye povestvovaniye [The Amur Cossacks of Korenev: a documentary narrative], Khabarovsk: Khabarovskaya kraevaya tipografiya (in Russian).

Gonsovich, E.V. (1923). Amurskoye nauchno-ekonomicheskoye obshchestvo (obzor deyatel'nosti) [Amur Scientific and Economic Society (Review of activities)]. *Izvestiya Amurskogo nauchno-ekonomicheskogo obshchestva*, no. 1, 1–5 (in Russian).

Gospoda ofitsery... Komandnyy i voyenno-administrativnyy sostav regul'yarnykh i kazach'ikh voysk Amurskoy oblasti. 1854–1922. Biograficheskiy spravochnik [Gentlemen, officers... Command and military-administrative staff of the regular and Cossack troops of the Amur region. 1854–1922. Biographical reference] (2016), eds. V.N. Abelentsev, A.A. Garshin, Blagoveshchensk-na-Amure: Amurskaya yarmarka (in Russian).

Godovoye zasedaniye 13-go yanvarya 1917 g. v Konferents-zale Gornogo Instituta Imperatritsy Ekateriny II [Annual meeting on January 13, 1917 in the Conference hall of the Mining institute of Empress Catherine II] (1918), *Ezhгодnik Vserossiyskogo paleontologicheskogo obshchestva*, t. II (1917), pp. 128–129 (in Russian).

Heer, O. (1878). Beiträге zur fossilen Flora Sibiriens und des Amurlandes. *Flora fossilis arctica*. Zürich, vol. 7, pp. 1–275 (in German).

Ermatsans, I.A., Bolotskiy, I.Yu. (2013). Paleontologicheskiye issledovaniya v Priamur'ye (1859–1917) [Paleontological research in the Amur region (1859–1917)], *Vestnik DVO RAN*, no. 5, pp. 159–167 (in Russian).

Ermatsans, I.A., Bolotskiy, I.Yu. (2015). Zagranichnyy dnevnik (1924–1925) paleontologa A.N. Ryabinina kak istochnik yestestvennonauchnoy informatsii. K 100-letiyu izucheniya amurskikh dinozavrov [Foreign diary (1924–1925) of the paleontologist A.N. Ryabinin as a source of natural science information. To the 100th anniversary of the study of Amur dinosaurs], *Vestnik DVO RAN*, no. 5, pp. 162–170 (in Russian).

Ermatsans, I.A. (2017). Osmysleniye prirodnoogo ob'ekta kak teksta: muzeynyy aspekt [The conceptualization of a natural object as a text: a museum aspect], *Muzey — Pamyatnik — Naslediye*, no. 2, pp. 77–82 (in Russian).

Kirillov, A.V. (1894). Predisloviye [Foreword]. In: A.V. Kirillov (Ed.) *Geograficheskoye-statisticheskoye slovar' Amurskoy i Primorskoy oblastey s vkhlyucheniyem nekotorykh punktov sopredel'nykh s nimi stran* (pp. I–IV). Blagoveshchensk: Tip. D.O. Mokin i Ko (in Russian).

Kovalevskiy, V.O. (1948). *Paleontologiya loshadey* [Horse paleontology]. Moskva: Izd-vo AN SSSR, pp. 149–252 (in Russian).

K svedeniyu nashogo muzeyu [For the information of our museum] (1902). *Amurskiy kray*, 12 iyunya, no. 64, p. 2 (in Russian).

Kurazheva, T.V. (2016). Kollektzii A.N. Ryabinina v TsNIGR muzee VSEGEI [A.N. Ryabinin in TsNIGR Museum VSEGEI]. In: N.Yu. Leusova (Ed.) *Sto let izucheniya dinozavrov Priamur'ya: nauchnaya sessiya, posvyashchennaya vydayushchemusya paleontologu i geologu A.N. Ryabininu: sb. dokladov. Blagoveshchensk, 18 decabrya 2015 g.* [One hundred years of Research of Dinosaurs in the Amur region. Proceedings of the Scientific session dedicated to the outstanding paleontologist and geologist A.N. Ryabinin, Blagoveshchensk, 18 December, 2015], (pp. 29–32), Blagoveshchensk: AmurNTs DVO RAN, IGiP DVO RAN (in Russian).

Mamontovaya kost' [The mammoth bone] (1902). *Amurskaya gazeta*, 17 iyulya, no. 79, pp. 2111–2112 (in Russian).

My i amurskiye navodneniya: nevyuchennyy urok? [Us and the Amur floods: a lesson not learned?] (2016), ed. A.V. Shalikovskiy. Moskva: Vsemirnyy fond dikoy prirody (WWF) (in Russian).

Otchet Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva [Report of the Imperial Russian Geographical Society] (1860), *Vestnik IRGO*, 28 (1), 13–15 (in Russian).

Otchet o sostoyanii i deyatelnosti Geologicheskogo Komiteta v 1917 godu [Report on the status and activities of the Geological Committee in 1917] (1919), *Izvestiya Geologicheskogo komiteta*, 37 (1), 385–386 (in Russian).

Ryabinin, A.N. (1925). Restavrirovannyi skelet ispolinskogo yashchera *Trachodon amurense nov. sp.* [The restored skeleton of the giant lizard *Trachodon amurense nov. sp.*], *Izvestiya Geologicheskogo komiteta*, 44 (1), 1–12 (in Russian).

Skelet iskopaemogo zhitovnogo na Amure [The skeleton of a fossil animal on the Amur] (1902). *Ezhegodnik po geologii i mineralologii Rossii. 1901–1902*, t. V (in Russian).

Starodubtseva, I.A. (2005). N.I. Krishtafovich — geolog, izdatel', pedagog [N.I. Krishtafovich — geologist, publisher, teacher]. *Byulleten' Moskovskogo obshchestva ispytateley prirody. Otd. geol.*, 80 (4), 85–93 (in Russian).

S'yuard, A.Ch. (1912). Yurskie rasteniya iz Amurskogo kraya [Jurassic plants from the Amur region]. *Trudy Geologicheskogo Komiteta. Sankt-Peterburg. Novaya seriya*, vol. 81, pp. 1–21 (in Russian).

Fersman, A.E. (1929). *Ekspeditsionnaya deyatelnost' Akademii nauk SSSR i yeye zadachi. Materialy Komissii ekspeditsionnykh issledovaniy, vyp. 19* [Expeditionary activity of the USSR Academy of sciences and its tasks. Series: Materials of the expeditionary research Commission, iss. 19]. Leningrad: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Shmidt, F.B. (1859). Otchet nachal'nika ekspeditsii geologicheskikh issledovaniy po Amuru [Report of the head of the expedition for geological research on the Amur]. *Vestnik RGO*, part 25 (2), 67–78 (in Russian).

Shmidt, F.B. (1860). Otchet nachal'nika ekspeditsii geologicheskikh issledovaniy po Amuru [Report of the head of the expedition for geological research on the Amur]. *Vestnik RGO*, part 28, 199–218 (in Russian).

Schmidt, Fr. (1868). Reisen im Amur-Lande und auf der Insel Sachalin, im Auftrage der Kaiserlich-Russischen geographischen Gesellschaft ausgefuehrt. Botanischer Theil [Travels in the Amur country and on the island of Sakhalin on behalf of the Imperial Russian Geographic Society. Botanical part], *Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg*, ser. 7, t. 12, no. 2. S.-Peterburg: IAN (in German).

Shmidt, F.B., Glen, P.P. (1868). Istoricheskiye otchety o fiziko-geograficheskikh issledovaniyakh [Historical records of physical and geographical research], *Proceedings of the Siberian Expedition of the Imperial Russian Geographical Society*, t. 1 (pp. 1–72), S.-Peterburg (in Russian).

Sokolov, D.N. (1912). Über Akad. Fr. Schmidt's Fossiliensammlungen aus dem Amurlande [About Akad. Fr. Schmidt's fossil collections from the Amurland]. *Travaux du Musee Geologique Pierre le Grand pres l'Academie Imperiale des Sciences de St. Petersburg*, t. VI (pp. 153–166), S.-Peterburg (in German).

Vo vremiya poezdki po Amuru [During a trip across the Amur] (1902). *Priamurskiye vedomosti*, no. 448, p. 6 (in Russian).

Yakovlev, L.M. (1946). “Drakon” (Etnograficheskiy ocherk) [“Dragon” (Ethnographic sketch)], *Zapiski Kharbinskogo obshchestva yestestvoispytateley i etnografov*, no. 1. Available at: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/231918> (date accessed: 30.03.2021) (in Russian).

Zakharenko, I.A. (2012). Sibirskaya ekspeditsiya Russkogo geograficheskogo obshchestva i uchastiye v ney vypusnikov Konstantinovskogo mezhevogo instituta [Siberian expedition of the Russian geographical society and the participation of graduates of the Konstantinovsky Survey Institute], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Geodeziya i aërofotos”yemka*, no. 2, 62–67 (in Russian).

Zasedaniye Priamurskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva, posvyashchennoye chestvovaniyu pokrovitelya otdela, generala ot infanterii N.I. Grodekova [Meeting of the Amur department of the Imperial Russian geographical society, dedicated to honoring the patron saint of the department, General of Infantry N.I. Grodekov] (1902), *Priamurskiye vedomosti*, 13 oktyabrya, no. 459, 13–15 (in Russian).

Zhurnal prisutstviya Geologicheskogo komiteta. Zasedaniye 5 aprelya 1916 g. [Geological Committee presence log. Meeting April 5, 1916] (1916), *Izvestiya Geologicheskogo komiteta*, 35 (6), 225–226 (in Russian).

Zhurnal prisutstviya Geologicheskogo komiteta. Zasedaniye 17 yanvarya 1917 g. [Geological Committee presence log. Meeting January 17, 1917] (1917), *Izvestiya Geologicheskogo komiteta*, 36 (7), 21–22 (in Russian).